

СЛОВО О НЕЙРОХИРУРГЕ АЛЕКСАНДРЕ КОНОВАЛОВЕ

A word on surgeon Aleksandr KONOVALOV

Самому долгооперирующему нейрохирургу в мире Александру Николаевичу Коновалову – 90!

ПУТЬ К ВЕРШИНЕ

Перед моими глазами встает голодный мальчик военных лет, который в эвакуации вместе с братом Юрой готовит уроки в холодной комнате и ждет маму с работы, чтобы хоть немного поесть и согреться.

А вот уже старшие школьные годы в Москве. Весь класс восхищается, как Саша Коновалов ходит на руках, и еще — он один из первых в учебе.

Отец — врач, мать — врач, дед — врач. По этой же стезе пошел и Александр. Как медалиста, его принимают без экзаменов на лечебный факультет «Первого меда». И следуя за отцом — выдающимся неврологом Николаем Васильевичем Коноваловым, Александр решил посвятить себя этой профессии. И, конечно, стал бы неврологом. Но «пресловутая семейственность» в те времена не позволила академику, директору Института неврологии оставить при себе сына. В 1957 году Александр был направлен для обучения в Институт нейрохирургии им. Н.Н. Бурденко, где сложилась сильная неврологическая школа. Здесь, однако, главенствовала нейрохирургия. К ней и потянулись сильные талантливые руки Александра, желавшего все делать и доводить до завершения самому, чему способствовал и его могучий интеллект. Он стал нейрохирургом — призвание на всю жизнь и благо для больных и Отечества.

Александр Коновалов был самым молодым из егоровской плеяды. Невысокий, но атлетически сложенный, породистый, красивый, с умными глазами, смотревшими на мир сквозь толстые очки, он выделялся на фоне уже проявивших себя талантов Института особой пылкостью и жадностью к знаниям и умениям. У всех хотел что-то перенять, научиться тому, в чем уже преуспели коллеги.

На Александре Коновалове стояло клеймо «невролога», и его долго не воспринимали всерьез как хирурга. Но надо знать Александра Николаевича. Он выключил из жизни все, кроме спорта, до изнурения тренируя свои руки в анатомке и бесконечно ассистируя, — учился. Учился у Бориса Григорьевича Егорова, у Александра Ивановича Арутюнова, у Сергея Николаевича Федорова, у Федора Андреевича Сербиненко,

у Эфраима Исааковича Злотника, у Эдуарда Израилевича Кандела...

Он знал, *на что* способен, но знал также, что талант может раскрыться только через труд. Талант и труд — это сочетание и сделало его сначала признаваемым, потом равным в «могучей кучке» — Федоров, Сербиненко, Табибов, Васин, Филатов, а со временем и первым среди нейрохирургов Отечества. Что значит первый? Это не должность, не итоги голосования, а результаты операций, которые по сложности относятся к вершинам нейрохирургии. Александр Коновалов их достиг, став одним из лидеров мировой нейрохирургии.

Как-то в Лионе в крупнейшем нейрохирургическом госпитале Франции я попал на операцию по поводу огромной краниофарингиомы у 4-летнего мальчика. Опытный нейрохирург, маясь с выделением опухоли, в сердцах сказал мне: «Сюда бы вашего Коновалова». Это и есть мировое признание.

Обычно слава и власть меняют человека, а нередко портят. Но к Александру Николаевичу это не относится. Каким был, таким и остался — великим тружеником, интеллигентным, скромным, доступным, обязательным и порядочным. И, может быть, именно потому он, не будучи карьеристом, быстро сделал потрясающую карьеру, став в 42 года директором Института нейрохирургии, еще до этого — главным редактором журнала «Вопросы нейрохирургии», а спустя несколько лет Коновалова избрали председателем Всесоюзного общества нейрохирургов, вице-президентом Европейской ассоциации нейрохирургических обществ, а в начале XXI века — президентом Российской ассоциации нейрохирургов.

Он иронично относится к своим многочисленным наградам и регалиям. Искренне рад статусу дедушки: на свет появился Александр Николаевич Коновалов-младший. По-прежнему остаются самыми важными ежедневный тяжелый труд в операционных и научные исследования.

СПАСИТЕЛЬНОЕ ВТОРЖЕНИЕ

Свое главное предназначение Александр Коновалов реализует в операционной, где творится

нейрохирургическое действо. Входит в нее сосредоточенный, с отстраненным взглядом. Подготовленные руки согнуты в локтях и, кажется, вознесены к небу. Ассистент вскрывает череп. Мозговая часть сложнейшей операции ждет мастера — удаление опухолей ствола, III желудочка, шишковидного тела, зрительного бугра, базальных менингиом... Оперирует Коновалов четко, методично и деликатно; операционный микроскоп позволяет следить за его филигранно отточенными движениями и учиться молодым нейрохирургам. Высшее напряжение переходит в высшее удовлетворение, когда опухоль убрана, а все мозговые функции удалось сохранить.

На эйфорию нет времени. В день Коновалов выполнял 2–3 нейрохирургических вмешательства, беря на себя самые трудные. Триста, чуть больше, чуть меньше операций в год, а за 65 лет хирургической деятельности более 17 тысяч возвращенных, за редкими исключениями, к жизни детей и взрослых. Ему не завидовали, за ним тянулись и тянутся.

Школа А. Н. Коновалова — школа творческой современной микронейрохирургии с использованием высокоразрешающих систем операционного видения, точной навигации, интраоперационного физиологического мониторинга и прицельных щадящих воздействий. Школа А. Н. Коновалова — это комплексное изучение физиологии и патофизиологии центральной нервной системы человека на основе единственно допустимой возможности, открываемой лечебными хирургическими вмешательствами на головном и спинном мозге.

Некоторые операции Александра Николаевича уникальны. Ему удалось, например, в ходе почти 20-часовой операции успешно разделить сиамских близнецов, сросшихся головами, так называемых краниопагов. Это наблюдение показывали по телевидению в Европе и Америке, о нем писали газеты и научные журналы. Как и великие музыканты, есть великие нейрохирурги, поднявшие свое ремесло на уровень искусства. К ним относится А. Н. Коновалов. Один из ведущих нейрохирургов США профессор Майкл Апуццо сказал о нем: «Я близко знаком с выдающимся нейрохирургом современности профессором Александром Коноваловым. То, чего он достиг в микрохирургии опухолей головного мозга, непостижимо. Коновалов неповторим».

Александр Николаевич — мужественный и благородный человек, никакой позы, никакого апломба. Он полон сострадания к больным, особенно к детям. Именно поэтому, как это ни парадоксально, стремится от них дистанцироваться, чтобы эмоции не мешали решениям и спасительным действиям во время операций. Кому-то он кажется холодным; порой проходит мимо, никого не замечая и не здороваясь. В это время он просто погружен в невеселые размышления. «У каждого хирурга есть свое кладбище», — говорит Александр Николаевич.

Однажды поздним вечером мне довелось ехать с Коноваловым к нему домой — за рукописью I тома «Руководства по черепно-мозговой травме». Книгу надо срочно сдавать в печать, а замотанный Александр Николаевич уже несколько дней ее не возвращает. По пути, уставший, не обедавший и явно собой недовольный, Коновалов диктует в магнитофон протоколы двух сегодняшних операций: невринома слухового нерва — «сохранить распластанный на опухоли резко истонченный лицевой нерв не удалось»; краниофарингиома — «при попытке убрать петрификат травмирован зрительный нерв»... Так прямо и диктует. Коновалов удручен, для него нет оправдания трудностью случая. А это были огромные запущенные опухоли: у больной с невриномой и до операции был грубый парез лицевого нерва, а мальчик с краниофарингиомой слеп на оба глаза. Я понимал недовольство нейрохирурга собой, никто его не судит так строго, как он сам себя, даже если нет никакой вины.

Александр Николаевич исключительно ответственен за все, что он делает, особенно как врач. Вспоминается характерный для Коновалова эпизод. Июньским утром мы должны были вместе лететь в Англию на VII конгресс Европейской академии мультидисциплинарной нейротравматологии. Александр Николаевич мечтал побывать в этой стране, где в молодости провел несколько учебных месяцев, так хотелось вновь посетить Кембридж и Оксфорд. И вдруг ранним утром в день отлета звонок:

- Извини, я не смогу полететь.
- Как же так, ведь твердо договорились!
- Вчера прооперировал больного, ночью вызвали — кровотечение, сделал ревизию, убрал гематому. Теперь должен наблюдать, не будет ли рецидива.
- Но больной под надежным присмотром, если понадобится нейрохирург, он всегда рядом и все, что надо и как надо, сделает.
- Это так, но больного оперировал я, и я за него в ответе.

Не полетел Александр Николаевич. С больным ничего не случилось, избавленный Коноваловым от протяженной опухоли основания черепа, он был благополучно выписан домой.

Хотя наш Центр огромный, все же мы часто с Коноваловым пересекаемся. Оба любим бежать по лестнице, спускаясь с 10-го этажа, где реанимация. Оба поднимаемся на одном и том же лифте — я до 9-го этажа, где моя клиника, он — до 12-го, где его операционные. Там ждут Коновалова нагрузки и перегрузки. Поднимается в операционную один человек, а спускается другой. После тяжелейшей изнурительной многочасовой мозговой хирургии Коновалов идет-бредет, отрешившись и пошатываясь от усталости и невероятного напряжения. Загорелое после горных лыж его лицо зеленеет. Глаза блуждают. От меня отшатнулся. «Не бойтесь, я Вас терзать не буду» (и откладываю нужное и требующее его «резюми» дело)...

Как он всегда и за все переживает! Когда на утренних конференциях показывают на компьютерной или магнитно-резонансной томограмме «плохую» опухоль, Коновалов сокрушенно покачивает головой и рукой теребит волосы.

Он один из тех, кто постоянно не только внимает происходящему в Институте, но и неустанно реагирует на каждый диагноз, на показания к операции, на тактику лечения. И нередко коноваловские замечания вовремя корректируют ход событий, а если сказать эмоционально, — судьбу человека.

ГЛАВНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ КОНОВАЛОВА

Некоторые жалуются: «Его никогда нельзя застать в кабинете». А он, руководя Институтом из операционного блока, одновременно спасая там больного, благодаря именно такому стилю совершил главный подвиг своей жизни: с нечеловеческими муками построил 14-этажный корпус и оснастил его современным оборудованием. По существу, Коновалов создал новый Институт нейрохирургии, так необходимый для России и соответствующий по всем параметрам мировым стандартам. Нет, не зря на открытии летом 1999 года 300-коечной клиники Юрий Михайлович Лужков похвалил Александра Николаевича как строителя.

А Коновалов на этом не успокоился: заботясь о будущем Института, открывает впервые в стране крупнейший в Восточной Европе Центр нейрорадиологии с гамма-ножом и линейными ускорителями. Он думает и о прошлом — способствует созданию музея истории московской нейрохирургии. Думает и о душе страдающих — восстанавливает Храм Святителя Николая-чудотворца. Вводится в строй корпус позитронно-эмиссионной томографии. Расширяется операционный блок с интраоперационными нейровизуализацией, навигацией, мониторингом, роботами. Появляется современный учебный центр...

ЛИЧНОСТЬ

Александр Коновалов — мой судьбоносный друг. Уже 65 лет мы вместе. На моих глазах произошел его взлет. Однако от своих друзей он не оторвался. Трогательно заботлив, но и требователен, никаких поблажек, скорее напротив. Мы с Сашей близки, тем не менее на работе всегда соблюдаем дистанцию, здесь мы только на «Вы» и по имени-отчеству. Коновалов, игнорируя анонимки снизу и указания сверху, «пробил» для меня Москву, но не как для друга, а как для надежного помощника, соратника по 5-летней Всесоюзной научно-технической программе по травме головного и спинного мозга (С. 09). И я преданно служу делу, стараясь оправдать доверие друга. Иногда мне кажется, что он мной доволен, и это очень окрыляет.

...После тяжелой кровавой полостной операции, еще не выйдя полностью из наркоза, я открыл глаза

и увидел в палате Сашу Коновалова. В его глазах были встревоженность и дружеское участие: «Леня, мы с тобой еще поработаем», — и подарил изящную записную книжечку с карандашиком. Прогноз Саши, к счастью, оправдался. Вот уже 27 лет как я вновь в строю. А сколько написано — и вместе с Сашей, и без него!

С Коноваловым я объездил многие города России, ближние и дальние страны: программа С. 09, пленумы проблемной комиссии, юбилеи соратников, конференции, съезды. Для Саши прежде всего дело, но когда остаются свободные часы — кружение по улицам, музеи, природа. Мы оба с ним подвержены гипнозу солнца.

Я помню, как в апреле в Ереване прямо с заседания мы мчались к Матенадарану и на его ступенях грелись на солнышке и любовались Араратом. Саша разделся до пояса, обнажив свой атлетический торс, я уснул в пиджаке и при галстукке. Когда очнулись, увидели, что нас снимают кинокамерой. Разговорились с режиссером — учеником Сергея Параджанова. Он решил нами иллюстрировать французское издание о современном Ереване — уж очень колоритная пара на фоне скульптуры создателя армянской письменности Месропа Маштоца и Матенадарана.

Саша тут же выдал свой экспромт: «Сегодня я от счастья пьян, Сегодня я безумно рад: Со мною рядом Лихтерман И также рядом Арарат».

Я ему тут же ответил: «Матенадаран и Коновалов, Матенадаран и Лихтерман, И Арарат, и Ереван Сведут с ума потомков галлов».

На следующий день, также мечтая позагорать, мы поднялись на опорную стену в стороне от Матенадарана, разделись, легли на камни. «Два жареных тела у ног Месропа», — начал свой экспромт Саша. Уснули. Пробудились от энергичного голоса гида, который, показывая на нас, объяснял группе экскурсантов: «Эти люди пришли неизвестно откуда, но все дни лежат у Матенадарана, набираясь мудрости»...

Помню пленум правления Ассоциации нейрохирургов России в Царском Селе в конце мая 1999 года, накануне 200-летия со дня рождения Пушкина. Здесь все дышало памятью о великом поэте. Не уставая восхищаться, мы с Сашей наслаждались царскосельской архитектурой, роскошными музеями, бесконечно бродили белыми ночами по соловьиным паркам. Потом наш пленум переместился в Петербург, где продолжались наши бессонные ночи, но уже на воде — в плавании по паутине каналов...

Саша смел, порой чересчур. Вспоминаю, как в Нижнем Новгороде после заключительного банкета по поводу Второго съезда нейрохирургов России стоим с Коноваловым на откосе в духоте июньской ночи. Саша обращается ко мне: «Хорошо бы сейчас выкупаться». Я ему: «Слабо?», он мне: «Слабо!». В темноте по ощупью угадываемым крутым тропинкам скатились к Волге и поплыли по течению. Вышли обновленными.

Как-то в Домбае я спускался в люльке подвесной дороги. В синеве мартовского неба над снежными вершинами парил орел, я взглянул вниз и увидел другого орла, стремительно мчавшегося на лыжах с трехтысячной высоты, — это был Саша.

Спорт неотделим от Коновалова. После нейрохирургии это его вторая страсть. В школьные и студенческие годы он увлекался гимнастикой. Помню, как вместе с Маратом Кариевым Саша на руках спускался по лестнице с 3-го этажа старого корпуса Института. Это было зрелище! Плавание и горные лыжи сопутствуют Коновалову всю жизнь. Но особенно — регулярно — он занимается теннисом, в котором достиг мастерских высот. Без спорта Саша не смог бы выносить сверхпродолжительные физические и психологические нагрузки многочасовых операций.

Саша сострадателен. Однажды мы были с ним на пленуме правления Ассоциации нейрохирургов России на Северном Кавказе. 1 марта 2002 года вечером прямо в комнату, где проходил пленум, позвонил по мобильному Яшар Гасанов: «Умер Сербиненко». Это был шок для всех. Мы не могли поверить, что ушел наш Федя. Было невоготу. Саша Коновалов и я побрели в холодную звездную ночь среди нависающих громад, покрытых вечными снегами. Шумел лес. Позади остались поселок и кладбище альпинистов. Милый песик увязался за нами. Вдруг Саша в ужасе закричал — случайная машина сбила собачку. Склонились над бедным животным, чувствуя себя виноватыми и особо переживая случившееся. И, о чудо, бездыханный песик начал скулить, двигать лапками, затем поднялся и, прихрамывая, побежал. Ярko мерцали звезды. Другого чуда не произошло...

Мы оказались как раз в тех местах, где прошли детство и юность Федора Сербиненко, мировой величины, создателя эндоваскулярной нейрохирургии. По дороге в аэропорт Минеральные Воды, опоздав на рейс, набрали мешочек земли с его родины и купили горные цветы. Федя, как обычно, просил меня написать открытку с Северного Кавказа; ею стали фиалки и подснежники.

Саша скромнен. Получить у него интервью очень трудно. Он не терпит никаких, пусть абсолютно объективных и заслуженных, похвал. Даже когда упоминание о нем как о директоре Института было просто необходимо, и здесь он решительно восставал. Вспоминаю один эпизод. Мне было поручено написать в журнал «Вопросы нейрохирургии» юбилейную статью к 70-летию Московского института нейрохирургии. Естественно, что в ней я сжато описал всех директоров Института, сказал несколько слов об Александре Николаевиче Коновалове, короче, чем о других, но дольше всех возглавлявшем Институт (с 1975 года). Статья прошла все этапы редакционной обработки, и уже верстка журнала попала на глаза Александру Николаевичу. Он решительно вычеркнул всякое упоминание

о себе. Я возразил: «Как же такое возможно?! Получается, что Институт почти 30 лет работает без директора. Ваша скромность заслоняет истину, ставит Институт в нелепое положение». Но Коновалов настоял на своем. Типография была вынуждена переделать макет журнала.

Когда я брал интервью у Евгения Максимовича Примакова, он сказал: «К Александру Николаевичу я отношусь с нежностью. Он так беззащитен, когда речь идет не о деле, а о нем самом». И это действительно так.

Однажды мне довелось защищать Александра Николаевича. Шла объединенная сессия «Большой академии» и Академии медицинских наук. Обсуждались проблемы трансплантации, в том числе стволовых клеток, при патологии центральной нервной системы. Председательствовали академики А.Н. Коновалов и М.В. Угрюмов. На фоне серьезных научных докладов, дискуссий по экспериментальным исследованиям вдруг выступил один псевдоученый, известный безответственной пересадкой больным стволовых клеток за большие деньги. Он демагогически громко заявил, что академик Коновалов тормозит развитие нейротрансплантации в нашей стране. Наглая лож ошарашила Александра Николаевича; почему-то молчал и Михаил Вениаминович Угрюмов. Притихла аудитория, а проходимец продолжал разглагольствовать. Я не выдержал, возмутился и с места прервал поток грязных обвинений: «Александр Николаевич абсолютно объективно и обоснованно отверг Ваши недоказательные и опасные методические рекомендации по пересадке стволовых клеток при тяжелых травмах и заболеваниях головного и спинного мозга. Это сегодня клинически недопустимо. Вы же научной дискуссии предпочитаете злобную клевету. Немедленно прекратите!» Зал зааплодировал, и авантюрист ретировался.

Саша любопытен. Я рассказал ему об удивительном хохломском художнике Степане Павловиче Веселове, и он загорелся желанием встретиться с ним. Бросок на «Волге» километров 200 от Нижнего Новгорода, и мы в избе, где Степан Павлович творит травушку-муравушку, золотое солнце, задорных петушков, токующих тетеревов, гордых павлинов. Я был поражен, с каким интересом Саша вникал в таинства хохломской росписи. Точно так же в Париже он вглядывался в композиции Родена в мемориальном музее великого скульптора. А как его неподдельно захватили персонажи сказок Гофмана, с большим искусством воссозданные предприимчивым владельцем гостеприимного дома на родине сказочника под Кёнигсбергом...

Академик А.Н. Коновалов приехал в Ялту — на столетие моего отца профессора Болеслава Владимировича Лихтермана. И я наблюдал его и в домике Чехова, и в пещерных городах около Бахчисарая, и среди волн Черного моря...

Саша обязателен. Решил создать современный Институт нейрохирургии и неотступно на протяжении 20 лет изнурял себя сложнейшей и очень дорогой проблемой строительства нового корпуса в условиях нестабильности 80–90-х годов. У него были все объективные основания опустить руки. И никто бы не посмел упрекнуть его. Но не таков Коновалов — он неуклонно добивался и добился своего, разумеется, не для самоутверждения, а для больных, для сотрудников, для отечественной нейрохирургии, для страны.

Александр Николаевич — человек преодоления и в большом, и в малом. Как мне рассказывал его родной брат Юрий Николаевич Коновалов, с детства Саша выделялся среди сверстников требовательностью к себе, последовательностью, ответственностью. С возрастом эти черты стали доминирующими в его характере. Они так важны для нейрохирурга и директора Коновалова. Он такой же и в спорте, который рассматривает не только как удовольствие, но и как необходимость для поддержания профессиональной формы. Поэтому, преодолевая усталость и посттравматическую боль, он тренируется, тренируется, тренируется...

Я восхищаюсь Сашей, его талантливой разносторонностью и искренностью.

У Александра Николаевича блистательный дар оратора и лектора. Ему всегда внимают и коллеги, и студенты, и больные, и просто кто рядом, вслушиваясь в каждое его слово — в котором и смысл, и музыка, и очарование русской речи. Всегда находчивый, часто поражал меткими сравнениями и афоризмами, порой саркастическими: *«Кому — корка, кому — икорка»*, *«Лучше быть убыточным, чем убыточным»*, *«Все жалуются на память, но никто на ум»*, *«Лучше хранить, чем хоронить»*, *«Он слишком умен, чтобы быть искренним»*, *«Чем больше децибелов, тем больше имбецилов»*, *«Если лектор безлик, то его лекция ликбез»*.

На комиссии по нейротрансплантологии под председательством Коновалова докладывают о новом методе лечения паркинсонизма — пересадке в подкорковые образования клеток мушек-дрозофил. «Больной взлетел?» — спрашивает Коновалов. И оценка метода для всех стала очевидной.

«Бритвенность» коноваловского слова, удивительная способность мгновенно уловить ритм, рифму, созвучие, ситуацию делают нелегким совместное с ним написание статей и книг, текст переделывается бесконечно, не всегда он от этого выигрывает, но обычно становится проще и прозрачнее.

У него есть потребность с кем-либо поделиться внешне найденной метафорой, удачной рифмой, забавным разложением слова или другим озарением. Нередко на заседаниях я получаю от Коновалова записки с рисунками. Если бы он не был нейрохирургом, наверное, стал бы известным художником или скульптором.

Коновалов добро и очень заразительно смеется. Он умеет и у меня вызвать неудержимый смех. И мы вмес-

те хохочем, хохочем до боли в мышцах. Начинают смеяться и окружающие. Разумеется, не на работе.

СБЫВШЕЕСЯ ПРЕДСКАЗАНИЕ

Коллектив Института нейрохирургии особенный. Те, кто приходит в него работать, как правило, остаются здесь на всю жизнь. В Институте нет склок и дразг, все трудятся, благо, есть с кого брать пример.

Александр Николаевич, проявляя жесткость к тем, кто нарушает этику врача, необыкновенно внимателен и гуманен к своим сотрудникам. Среди них немало тех, кому далеко за 70. Следуя его примеру, преемники А.Н. Коновалова на директорском посту тоже держат «стариков», отдавших Институту по 40–50 лет жизни. Конечно, в этом есть и расчет. Уверенные в своем будущем ученые не только дольше живут, но и приносят большую пользу и больным, и научным исследованиям. Они и творцы, и опытные эксперты, и необходимые критики. А может быть, еще важнее, что, сохраняя старые кадры, обеспечивается преемственность замечательных традиций и поколений бурденковцев. Неслучайно сын Коновалова Николай пошел по стопам отца, стал крупным спинальным нейрохирургом, его избрали членом-корреспондентом РАН. Династия Коноваловых продолжается.

А.Н. Коновалов востребован обществом, даже очень. Герой Труда России, академик РАН, лауреат Государственных премий СССР и РФ, почетный директор Национального центра нейрохирургии, почетный президент Всемирной федерации нейрохирургических обществ и Ассоциации нейрохирургов России. «Наше национальное достояние», — как точно определил его значение Иосиф Давидович Кобзон.

Вклад Александра Николаевича Коновалова в развитие отечественной нейрохирургии на микрохирургическом этапе соизмерим с деяниями Николая Ниловича Бурденко и Андрея Львовича Поленова на макрохирургическом этапе ее становления.

Площади Института, крупнейшего нейрохирургического учреждения России, при Коновалове увеличились в 12 раз, превысив 74 тыс. кв. м. Количество сложных мозговых операций за последние 20 лет на том же числе коек (300) выросло вчетверо (более 10 тыс. в 2022 г.), а летальность снизилась в 10 раз (0,24 % в 2022 г.)!

В достижении столь достойных результатов играла большую роль высокая личная планка Александра Николаевича, которая мобилизовала и сплачивала коллектив. Было за кем тянуться! И тянулись. И выросли поколения талантливых нейрохирургов, творчески раскованных, профессионально состоятельных. Ветви дерева сами превратились в деревья. Это и есть истинная высшая оценка учителя и руководителя.

Когда в середине 70-х годов Александра Николаевича утвердили директором Института нейрохирургии, я из Горького послал ему телеграмму, в которой

пожелал, «чтобы коноваловский период в нейрохирургии был долгим и счастливым». Очень рад, что мое предсказание сбылось.

ПРОЗОРЛИВОСТЬ

Есть такое отдающее бюрократией понятие — «подбор и расстановка кадров». Александр Николаевич, абсолютно не бюрократ, в совершенстве владеет этим искусством, от которого зависит судьба дела.

Он оценил качества Яшара Керимовича Гасанова и сделал его заместителем по социальным и финансовым вопросам. В труднейшие лихие 90-е годы наш корабль — Институт нейрохирургии — не только не потонул, но, благополучно миновав губительные рифы, сумел сохранить коллектив, невиданно расстроиться и обогатиться современными технологиями.

В Леониде Юрьевиче Глазмани директор увидел все качества главного врача флагмана отечественной нейрохирургии и сделал его своим заместителем по лечебной части.

А каким значимым оказался выбор Александром Николаевичем своих заместителей по науке! В молодом кандидате наук Александре Потапове он угадал талантливого ученого и организатора. Четверть века Коновалов, давая полную свободу, пестовал своего преемника. Он доверял Александру Александровичу и ведение ученых советов, и представительство в самых высоких инстанциях, и ответственные переговоры, и организацию международных форумов. Вместе с тем беспокоился о научном росте своего первого заместителя. Когда, продиректорствовав без малого

40 лет, Александр Коновалов решил оставить свой пост, то, совершенно естественно, его занял академик Александр Потапов, продолживший бурденковские, егоровские, арутюновские и коноваловские традиции и добавивший свои. На смену А. Потапову пришел другой ученик Александра Коновалова — Дмитрий Усачев, которого он также сначала сделал своим заместителем по науке, затем Дмитрий Юрьевич принял директорскую эстафету. Сохраняя деяния предшественников, академик Д. Ю. Усачев развивает свои полезные для отечественной нейрохирургии новации.

Много лет Александр Николаевич был главным нейрохирургом Советского Союза, а затем России. В 2013 году он передал этот важный пост крупному нейрохирургу, академику РАН Владимиру Викторовичу Крылову.

Александр Коновалов, несмотря на цепляющиеся хвори, все так же неутомимо оперирует, выступает с научными докладами, редактирует журнал, председательствует в диссертационном совете, учит студентов и ординаторов, возглавляет этический комитет, пишет книги, играет в теннис, плавает, катается на горных лыжах, решает в самолетах кроссворды, вырывается в театры и на вернисажи.

Оранжевой звезде девятой величины в созвездии Стрельца присвоено его имя.

Звездный путь великого нейрохирурга продолжается...

Проф. Л.Б. Лихтерман